

Е.В. Папилова

Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина

ОБРАЗ ГЕРМАННА («ПИКОВАЯ ДАМА» А.С. ПУШКИНА) КАК НОСИТЕЛЯ НЕМЕЦКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

В статье кратко рассказывается об имагологии как актуальном направлении сравнительного литературоведения (компаративистики) и ее связи с другими гуманитарными науками, называются основные понятия имагологии, объясняется, почему произведение художественной литературы является богатым материалом для имагологического исследования. Далее автор переходит к анализу образа Германна («Пиковая дама» А.С. Пушкина) в имагологическом ключе: он рассматривается как носитель немецкой ментальности. Утверждается, что выбор национальности и даже имени героя – не случаен. Германн – носитель устойчивых черт национального характера: он в высшей степени рационален, практичен, расчетлив, аккуратен и бережлив. Его цель – обогащение, а любовная интрига – всего лишь прикрытое. Вместе с тем, образ Германна романтичен: это подмечают Лиза и Томский, сравнивая его с Наполеоном, ему свойственны романтический индивидуализм, сила воображения, страсть. Эти качества, на первый взгляд противоположные, уживаются в личности героя и являются константными чертами немецкой ментальности многих персонажей-немцев русской литературы.

А.С. Пушкин, «Пиковая дама», имагология, образ Германна, немецкая ментальность, этностереотип, романтический герой, национальный характер.

В современном литературоведении имагология набирает все большую популярность. Этой дисциплине сравнительного литературоведения (компаративистики) в последнее время посвящается большое количество научных статей и монографий, в Томском государственном университете усилиями сотрудников филологического факультета с 2014 года выпускается научный журнал «Имагология и компаративистика», ставящий своей целью способствование развитию имагологии.

Имагология – это междисциплинарное (объединяющее знания не только собственно филологии, но и смежных гуманитарных наук – истории, культурологии, социологии, политологии и др.) научное направление, изучающее образы «чужих», «других» (народов, стран, регионов, культур, религий) в восприятии собственного народа, своей культуры и традиций. Важнейшими понятиями имагологии являются «этно-стереотип», «национальный характер», «ментальность», антитеза «свое – чужое».

Произведения художественной литературы при этом являются богатейшим материалом имагологических исследований, поскольку содержат в себе множество персонажей-иностранцев, разных упоминаний чужих стран и культур, оценочных суждений, отражая стереотипные представления о них не только автора произведения, но и народа в целом (последнее особенно явно в фольклоре как «сокровищнице» народного сознания). При этом даже, казалось бы, хорошо изученные произведения русской классики можно заново рассмотреть с позиций имагологического анализа.

В данной статье автор обращается к образу Германна в повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» (1834)

и рассматривает его как носителя немецкой ментальности.

Жанр этого произведения определяется как повесть, повесть с мистическими элементами. Однако с уверенностью можно сказать, что оно содержит в себе сжатый роман, его «внутренняя форма – в духе романа, но во внешней форме роман не осуществлен» [11, с. 173]. Сюжет, композиция, масштаб идей этой повести типичны для романа: «Сюжет полный, совершенно достаточный для большого романа, сложный, динамичный, с переплетением двух коллизий – авантюрной и любовной, обилием событий, вмещающихся в короткое сюжетное время, но с глубокой исторической ретроспективой – вставная новелла о Сен-Жермене и тайне трех карт – и далекой перспективой судьбы героев в заключении» [7, с. 44–45]. Столь же романский склад у композиции: порядок повествования типичный для романа, с постоянной сменой планов и почти обязательным при этой смене отклонением очередности изложения событий от последовательности их протекания в сюжете. «Пиковая дама» – роман «во всех доступных анализу аспектах художественной формы, кроме разве самого несомненного признака, но и самого несодержательного – объема, длины», – заключает Л. Магазаник [7, с. 45].

Главный герой «Пиковой дамы» – носитель устойчивых свойств немца: в высшей степени рациональный, практичный, расчетливый, аккуратный и бережливый. Открытием Пушкина стал, по определению Достоевского в романе «Подросток», «колоссальный тип» Германна. Его характер и мотивацию поведения в повести кратко определяет другой персонаж, Томский: «Германн немец: он *расчётлив*, вот и

всё!», что само по себе уже стереотип. Пушкин использовал его, создавая художественный тип, знаменующий перспективу исторического развития России.

М.П. Алексеев писал, что Германн, очевидно, был слушателем офицерских классов Института путей сообщения, куда был открыт доступ «детям купцов, преимущественно иностранного происхождения». С получением первого чина слушатели причислялись к потомственному дворянству [1, с. 123]. Такой путь открывал для инородца «относительно скорый – одними экзаменами, без многолетней выслуги – доступ в офицерскую и дворянскую среду» [7, с. 40].

Германн – сын обрусевшего немца, который оставил ему маленький капитал. «Будучи твердо убежден в необходимости упрочить свою независимость, Германн не касался и процентов, жил одним жалованьем, не позволял себе малейшей прихоти» [9, с. 218–219]. Бедность и усердие в достижении благосостояния типичны для многих персонажей-немцев русской литературы XIX в. Германн строил свою жизнь на таких началах: «Расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что утроит, усмерит мой капитал и доставит мне покой и независимость!» (Там же, с. 219). Германн тверд и не позволяет своим желаниям взять верх над разумом: «Будучи в душе игрок, никогда не брал он карты в руки, ибо рассчитал, что его состояние не позволяло ему (как сказывал он) жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее», и, вместе с тем, «целые ночи просиживал за карточными столами и следовал с лихорадочным трепетом за различными оборотами игры» (Там же).

Вместе с тем, образ Германна, несмотря на свойственный персонажу дух наживы, связан с романтизмом. Герой наделен огненным воображением и страстью. О нем Томский говорит, что он «лицо истинно романтическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля». Сходство с Наполеоном замечает и Лиза. Сам повествователь пишет, что опечаленный Германн «удивительно напоминал портрет Наполеона». Такое сравнение не случайно: Наполеон был символом романтизма в первой половине XIX в. Черты романтического характера – индивидуализм, сила воображения и страсть – переосмыслены Пушкиным в свете гениально угаданной исторической перспективы распространения капитализма в России. Но при этом глубинную основу характера героя Пушкин не случайно связал именно с немецкой ментальностью.

Пушкин выбрал героя-обрусевшего немца, по видимому, для того, чтобы «оттенить это гиперболизированное представление о капитале как основе жизни, еще не ставшее распространенным в России, в отличие от стран западной Европы» [10, с. 59]. Г.А. Гуковский считал образ Германна мощным типическим обобщением, «созданным на основе глубокого уразумения <Пушкиным> проникновения капитализма в самые основы русской жизни» [5, с. 167]. Он полагал, что в «Пиковой даме» Пушкин продолжает начатую им в «Скупом рыцаре» тему тлетворного влияния «темной силы денег» на русское общество. Этот процесс аналогичен тому, что было на Западе, и способствует морально-психологическому разложению человека. Германн – человек «западного закваса», человек «буржуазного мира». Он – инженер, т.е. человек

наступающего технического века, промышленности, расчета. Ему свойственен трезвый ум, он готов отказаться от романтических фантазий: «Сказки!» – заметил Германн по поводу рассказа Томского о тайне трех карт, но при этом все же пустился в авантюру. Даже само имя героя, нарочито германское, ассоциируется с представлением о Западе и звучит диссонансом среди русских аристократических имен его товарищей (Томский, Чекалинский, Нарумов).

Русская речь героя лишена грамматических неправомерностей (в языковом отношении он полностью обрусел), но множество конструкций и оборотов, характерных для немецкого языка, выдает в нем его немецкую рассудочность: «Я не имею намерения вредить вам», «Игра занимает меня сильно, но я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее». Последнюю фразу С.Г. Бочаров назвал «рассудочной и книжной “немецкой” (словно переведенной)» [2, с. 204]. Ученый обращает внимание на то, как двойственность германновой природы проявляется в его монологе с графиней, в котором «высокий» строй речи срывается на «низкий»: он начинает словами «Если когда-нибудь сердце ваше знало чувство любви, если вы помните ее восторги, если вы хоть раз улыбнулись при плаче новорожденного сына, если что-нибудь человеческое билось когда-нибудь в груди вашей, то умоляю вас чувствами супруги, любовницы, матери» и кончает: «Старая ведьма! Так я ж заставляю тебя отвечать». Германн переходит от молений к угрозам. Это «два разных лика одной речи и одного образа Германна. Эти две краски суть “спектр” его личности. Это ее аспекты, и ни один, ни другой не обособляется от своего целого и не замыкается в самостоятельный образ» [2, с. 205].

В художественном мире повести Германн пребывает в среде знатных и богатых аристократов. На их фоне фигура «обрусевшего немца» «выглядит знаком русской „безродности“» [6, с. 323]. Для Германна жизнь далеко не столь празднична, как для «ветренных» Томских: «скромные средства и скромное положение в обществе», по Г.А. Гуковскому, «основа всей проблемы Германна» [5, с. 167]. Поэтому Германн «скрытен и честолюбив, и товарищи его редко имели случай посмеяться над его излишней бережливостью». Игра для Германна и для «мира Томских» означает разное: для него – возможность упрочить состояние, для них – веселье азарта. Германн чужой в этом обществе, как он чужой и в России: страна, нация, общество – с уже сложившейся государственностью, законами, обычаями, нравственной нормой чужды ему, у него нет почвы, связей, укорененности в национальной жизни, нет прошлого. «Чужой, чужой – это главное качество Германна; он самый чужой из всех пушкинских персонажей, единственный в своем роде» [7, с. 48].

По мнению Н.Н. Петруниной, беспорная в глазах Германна логика (от капитала – к «покою и независимости») и девиз «расчет, умеренность и трудолюбие» были в пушкинском восприятии не приметями его индивидуального жизненного credo, а закрепляли вековой социальный опыт национальной среды, породившей героя, «были своеобразным заветом рода, который он унаследовал вместе с “маленьким капиталом”» [8, с. 215], т.е., говоря иными словами, пред-

определены происхождением героя, его генетической связью с немецкой ментальностью.

В поведении Германна проступает путь будущих героев Достоевского, одержимых идеей капитала, золотого тельца. Все его поведение (вплоть до преступления) подчинено одной цели – разбогатеть. Она живет даже в подсознании – об этом свидетельствует сон Германна. В.В. Виноградов пишет: «Волнение Германна, его азарт и алчность во сне символизируются инверсией и повторением союза “и”»: «Поздно воротился он в свой смиренный уголок; долго не мог заснуть, и когда сон им овладел, ему пригрезились карты, зеленый стол, кипы ассигнаций и груды червонцев. Он ставил карту за картой, гнул углы *решительно*, выигрывал *беспременно*, и загребал к себе золото, и клал ассигнации в карман». В.В. Виноградов отмечает, что если переставить наречия перед глаголами, исключить один союз «и», то повествование примет объективно-авторское течение, из него исчезнет взволнованность субъекта, его эмоциональное отношение к передаваемым событиям [3, с. 214].

Высокое самообладание, холодный разум героя, при том, что он наделен «сильными страстями и огненным воображением», создают предпосылку его трагической судьбы. Выбранный Германном путь преступен. Дабы войти в круг общения старой княгини, он разыгрывает любовь к Лизе, преследует ее, пишет ей письма с претензией на романтическое высокое чувство. Одно из них «было нежно, почтительно» и, видимо, от отсутствия собственных идей, «слово в слово взято из *немецкого* романа». Германн настойчив в достижении цели: «Не прошло трех недель с той поры, как она <Лиза> в первый раз увидела в окошко молодого человека, – и уже она была с ним в переписке, – и он успел вытребовать от нее ночное свидание!» Добившись свидания в доме, он становится причиной смерти графини. Виноградов акцентирует внимание на «бесстрастно-деловом стиле» Германна, отмечая, что он «диссонирует с задыхающимся, прерывистым тоном реплик Лизаветы Ивановны»: «Вдруг дверь отворилась, и Германн вошел. Она затрепетала... “Где же вы были?”, – спросила она испуганным шепотом. – “В спальне старой графини, – отвечал Германн, – я сейчас от нее. Графиня умерла”. – “Боже мой!.. Что вы говорите?..” – “И кажется, – продолжал Германн, – я причиною ее смерти”». Растерянности Лизы («затрепетала», «спросила испуганным шепотом») противопоставлено рассудочное хладнокровие Германна.

Н.К. Гей обращает внимание на следующую подробность: Германн верил, что «мертвая графиня могла иметь вредное влияние на его жизнь», и потому «решился явиться на ее похороны, чтобы испросить у ней прощения». Мнимые последствия, воображаемые Германном, несмотря на его холодный и трезвый ум, заставляют его «заглядывать вину» [4, с. 193]. Пушкин неоднозначно мотивирует поступки героя в сюжете. Таковы эпизоды игры по картам, указанным графиней в мистическом видении: поставив первый раз на тройку, он терзаем сомнениями, напряженно следит за картами банкмета и кричит «выиграла!», убедившись в верном действии «тайны, которая ему дорого стоила». Разыгрывая семерку, Германн демонстриру-

ет уверенность в выигрыше – деньги он принял «с хладнокровием и в ту же минуту удалился». Далее, поставив на туз, Германн уже маниакально уверен в своем торжестве. Волнение Чекалинского, метавшего карты («руки его тряслись»), контрастно подчеркивает спокойствие и уверенность Германна. Тем сильнее потрясение: «Германн вздрогнул <...> Он не верил своим глазам, не понимая, как мог он обдернуться». Преступление обрекает Германна, а его сумасшествие носит вновь романтический оттенок.

Германн – новый тип в русской литературе 1830-х гг., он одержим идеей обогащения, самоутверждения, его главный интерес – капитал. Им движет не любовная страсть (маску влюбленного он использует для достижения своей цели), а меркантильный интерес. В Германне парадоксально совмещаются романтические черты и черты реалиста-прагматика. От романтического героя у него страсти и огненное воображение: несмотря на расчетливость, он поверил в анекдот, в мистическое видение старухи. Вместе с тем, он – носитель типично немецких черт: рассудочности, рациональности, аккуратности и практичности. В этом сочетании черт характера заключается стереотип(ич)ность образа Германна как немца. Эти две грани немецкой ментальности, немецкого национального характера и в дальнейшем будут появляться в русской литературе. К числу таких персонажей можно отнести романтика и музыканта Лемма («Дворянское гнездо» И.С. Тургенева) и делового практика Штольца («Обломов» И.А. Гончарова).

Литература

1. Алексеев, М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования / М. П. Алексеев. – Ленинград : Наука, 1972. – 468 с.
2. Бочаров, С. Г. «Пиковая дама» / С. Г. Бочаров // Поэтика Пушкина. Очерки. – Москва : Наука, 1974. – 207 с.
3. Виноградов, В. В. Стиль «Пиковой дамы» / В. В. Виноградов // О языке художественной прозы. – Москва : Наука, 1980. – 360 с.
4. Гей, Н. К. Проза Пушкина: поэтика повествования / Н. К. Гей. – Москва : Наука, 1989. – 269 с.
5. Гуковский, Г. А. Изучение литературного произведения в школе / Г. А. Гуковский. – Москва ; Ленинград : Просвещение, 1966. – 266 с.
6. Ермакова, Н. «Пиковая дама»: к соотношению образов Германна и Нарумова в повести Пушкина / Н. Ермакова // Пушкинский сборник. – Москва : Три квадрата, 2005. – С. 318–327.
7. Магазаник, Л. «Пиковая дама»: морфология и метафизика больших тропов / Л. Магазаник // Пушкин и теоретико-литературная мысль. – Москва : ИМЛИ – Наследие, 1999. – С. 30–51.
8. Петрунина, Н. Н. Проза Пушкина / Н. Н. Петрунина. – Ленинград : Наука, 1987. – 333 с.
9. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 10 томах / А. С. Пушкин. – Ленинград : Наука, 1978. – Т. 6. – 575 с.
10. Рассовская, Л. П. Изображение человека в художественных произведениях Пушкина и Гоголя: диалоги и дискуссии / Л. П. Рассовская. – Самара : Самарский университет, 2004. – 198 с.
11. Чичерин, А. В. Путь Пушкина к прозаическому роману / А. В. Чичерин // История русского романа : в 2 томах. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1962. – Т. 1. – С. 157–179.

E.V. Papilova

**THE IMAGE OF HERMANN (*THE QUEEN OF SPADES* BY ALEXANDER PUSHKIN)
AS A BEARER OF GERMAN MENTALITY**

E. Papilova briefly tells about imagology as an actual field of comparative literary studies and its connection with other humanities. The author studies the main notions of imagology and explains why a work of literature is a rich material for imagological research. Then the author analyses the image of Hermann (*The Queen of Spades* by Alexander Pushkin) in an imagological way: the character is viewed as a bearer of German mentality. The author claims that the choice of the character's nationality and even his name is no accident. Hermann is the bearer of steady character traits of Germans: he is extremely rational, practical, calculating, orderly and thrifty. His aim is enrichment, and the love affair is just a cover-up. At the same time, Hermann's image is romantic: both Liza and Tomsy notice this, they compare him to Napoleon; romantic individualism, power of imagination and passion are his features. These qualities, which may seem opposite at first sight, get along in Hermann's personality and are the constant traits of German mentality of many German characters in Russian literature.

Alexander Pushkin, *The Queen of Spades*, imagology, the image of Hermann, German mentality, ethnostereotype, romantic character, national character.